

МИХАИЛ ЧВАНОВ

“БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ!..”

О настоящих людях

У книг, как и у людей, своя судьба. Без преувеличения можно сказать, что несколько поколений советского народа (а такой народ существовал и реликтивно ещё существует, и это далеко не худшая часть человечества!) воспитывалось на романе Вениамина Каверина “Два капитана”, прототипом штурмана Климова в котором стал выдающийся полярный исследователь, человек невероятного мужества Валериан Иванович Альбанов. Роман критики снисходительно отнесли к легковесному, а может, даже второсортному приключенческому жанру. Были написаны в то время книги, и не самые плохие, на которых предписывалось воспитывать подрастающее поколение, например, “Молодая гвардия” А. Фадеева, “Как закалялась сталь” Н. Островского, но, может, потому, что они были слишком идеологизированы и насаждались силой, а эту никто силой читать не заставлял, потому как роль партии в поступках Саши Григорьева не прослеживалась, роман Каверина читали, передавая из рук в руки, и что-то трепетное и святое поднималось в душах подростков.

Да, можно сказать, что книга написана и *выстрелила* в нужное время: смутные и тревожные тридцатые годы, пионерская и комсомольская искусственная идеологическая жвачка и, как продых, романтика освоения Арктики. Как ни относиться к И. В. Сталину, остаётся только поражаться тому, насколько мудро, прозорливо и последовательно он претворял в жизнь, не считаясь ни с чем, порой с человеческими судьбами, завещание гениального Михаила Васильевича Ломоносова о необходимости освоения Арктики, из которой, по одной из гипотез, со ставшего теперь подводным хребта Ломоносова, мы в древности спустились в более южные широты. И дело не только в несметных природных богатствах Арктики, но и в её геостратегическом положении. Вслед за Ломоносовым Сталин предвидел, что рано или поздно наступит время, когда Арктика станет предметом спора и даже конфликта между целым рядом государств и, чтобы предотвратить это, нужно как можно скорее заявить на неё свои законные права. Иначе говоря, кто владеет Арктикой, тот владеет миром, и Сталин торопился: был создан мощный ледокольный флот, стал практическим домашним Северный морской путь, на арктических островах прочно обосновались научные и военные базы, и соседи по Арктике не смели с этим спорить, да они были просто не способны осваивать этот суровый край. Словом, Арктика становилась обыденностью, но интерес к книге не утихал, а передавался новым поколениям.

Одно из страшных преступлений постсоветской власти состоит в том, что, оборвав страну, бросившись осваивать тёплые Канарские и Гавайские острова, она практически увела Россию из Арктики, объявив её обременительной и не нужной России, на радость осмелевшим и даже обнаглевшим соседям. И только теперь, спохватившись, уже конфликтуя с другими странами, которые зря не теряли упущенное Россией время, мы понемногу начинаем восстанавливать потерянные позиции.

Загадка “Двух капитанов” ещё и в том, что сам автор серьёзного значения роману не придавал, считая книгу чуть ли не случайной в своём творчестве. Когда незадолго до его смерти я навестил Вениамина Александровича в подмосковном Переделкине, он чуть ли не с раздражением мне говорил: “Ну, что вы всё с этими “Двумя капитанами”, словно я ничего другого, более значительного, не написал?!” И я с удивлением обнаружил, что ни одной из более чем пятидесяти написанных им книг, кроме “Двух капитанов”, не знаю. Он так и ушёл в мир иной с горьким сознанием, что остался писателем одной – совсем не главной для него! – книги, хотя редкий писатель может похвалиться и таким счастьем. Какую-то, неведомую самому автору струну задел он в наших сердцах, поэтому его книга в воспитании целого ряда молодых поколений сыграла столь большую роль.

Я долго ломал над этим голову и пришёл к такому выводу. В эпоху абсолютного равнодушия к отдельной человеческой личности, когда десятки тысяч людей томились и погибали в лагерях, и позже, когда миллионы погибли в Великой Отечественной войне и, что ещё страшнее, пропали без вести и были приравнены к предателям, и о них даже нельзя было заикнуться (и сейчас ещё десятки, а может, и сотни тысяч без вести пропавших по-прежнему лежат на похороненными на огромном пространстве, начинающемся чуть ли не от стен Кремля), вдруг появилась книга, в которой ищут пропавшего без вести конкретного человека, пусть погибшего не в лагере, не в бою, пусть в другое время. Подтверждение этой мысли я нашёл в мутное “перестроечное” время, когда с единомышленниками по просьбе одного из легендарной четвёрки папанинцев, академика Е. Фёдорова, организовывал экспедицию по поискам пропавшего без вести в августе 1937 года при перелёте через Северный полюс из СССР в США С. А. Леваневского. Рушилась страна, и до того ли вроде: искать человека, потерявшегося в Арктике почти пятьдесят лет назад? И вдруг огромный интерес к нашему поиску, словно боль по сотням тысяч без вести пропавших, миллионам погибших сконцентрировалась на одном человеке. На нас обрушился шквал писем, в том числе с предложениями помощи. Мальчик Коля из Владивостока прислал 6 рублей, которые копил на велосипед, старый полярный радист из Жмеринки прислал шмат сала: “Ничего другого у меня нет”. Словно всем, потерявшим родных и близких, станет легче, если его найдут. Это потом, через десятилетия, появится телевизионная передача “Жди меня”, и отряды юных поисковиков будут искать на полях бывших сражений своих и чужих, которые стали для них своими, дедов и прадедов, чтобы по-человечески хоронить.

К счастью, В. Каверина не заставили переписывать “Двух капитанов”, чтобы показать руководящую роль партии в поступках Саши Григорьева, как заставили А. Фадеева переписывать “Молодую гвардию”. Может, не придали этому образу большого значения, может, в какой-то степени даже посчитали опасным: вдруг все бросятся искать своих без вести пропавших, мало ли до чего докопаются?! Но вот какая штука: за художественными образами пропавших в Арктике в “Двух капитанах” стояли реальные люди, только за образом главного героя, Саши Григорьева, никто не стоял. На этом образе воспитывались целые поколения советской молодёжи, но, увы, никто не искал пропавших без вести людей.

А было так: случайно или не случайно, но почему-то именно летом 1912 года сразу три русские экспедиции – Георгия Седова, Владимира Русанова и Георгия Брусилова – отправились в Арктику, полные амбициозных планов, не подозревая, что это будет самый тяжёлый в ледовом отношении год за весь XX век. Все три экспедиции изначально были обречены.

Г. Седов погиб в походе к Северному полюсу. Экспедиция В. Русанова бесследно исчезла во льдах. Шхуна “Св. Анна” Г. Брусилова, намеревавшегося Северным морским путём пройти во Владивосток, уже в октяб-

ре зажатая тяжёлыми льдами, стала дрейфовать на север и на следующий год оказалась в широтах, близких к Северному полюсу. Летом 1914 года часть экипажа во главе со штурманом Валерианом Альбановым отправилась в беспрецедентный переход по дрейфующим льдам к ближайшей земле — архипелагу Земля Франца-Иосифа. Из 13 человек до мыса Флора дошли только двое: штурман Валериан Альбанов и матрос Александр Конрад, где их по счастливой случайности подобрал возвращающийся после гибели Г. Седова парусник “Св. вмч. Фока”. Незапланированный дрейф “Св. Анны” и ледовый поход Альбанова позволили сделать несколько важных географических открытий и “закрывать”, в частности, они “закрыли” мифические земли Петермана, Оскара и Гилиса. По сей день оставалась не известной судьба оставшихся на судне членов экипажа, как и судьба членов группы Альбанова, с которыми он вынужденно расстался на одном из островов Земли Франца-Иосифа, как и судьба самого Альбанова, который принёс на тёплую землю журнал с научными результатами экспедиции и через какое-то время опубликовал в приложении к “Запискам по гидрографии” свой дневник-отчёт об этом беспрецедентном ледовом переходе.

К тому времени уже всю шла Первая мировая война, впоследствии хитро переведённая в гражданскую, и было не до поиска пропавших полярных экспедиций. Якобы Альбанов пытался попасть на приём к А. В. Колчаку, выдающемуся полярному исследователю, вынужденному стать военным правителем России, с предложением организовать спасательную экспедицию, но Колчака в то время уже самого было нужно спасать, и оба они в скором времени сгорели в горниле страшной братоубийственной войны. И одной из причин, что Альбанова на долгое время “забыли”, как “забыли” время и место его рождения и смерти, был факт, что он погиб или умер, будучи моряком колчаковской гидрографической службы.

Его же “Записки по дрейфующим льдам Северного Ледовитого океана летом 1914 года” в России известны были больше специалистам. За рубежом же они издавались не раз, с каждым десятилетием всё чаще, и уже в XXI веке были переизданы во Франции, Англии, США, где названы “забытым шедевром русской литературы, прежде всего, в России”.

Да, время от времени о пропавшей экспедиции писали, преимущественно сенсационно-популярные статьи перед очередной подписной кампанией. В этих статьях порой выдвигались заведомо фантастические версии гибели экспедиции. Да, я написал книгу “Загадка штурмана Альбанова”, и хотя книжный герой Саша Григорьев стал примером для тысяч молодых людей, но реального “Саши Григорьева” всё не находилось. Мало того, казалось, что с развалом Советского Союза время Саш Григорьевых безвозвратно ушло в прошлое. Ушло время романтики, над чувством патриотизма откровенно издевались. Совесть законодательно заменили гнусным постулатом: “Что не запрещено, то разрешено”. Единственным мерилom человеческих ценностей стал даже не рубль, а доллар — ничем не подкреплённая бумажка с масонской символикой, а идеалом женской нравственности стала вовсе не Ерминия Жданко, юная и единственная женщина на шхуне “Св. Анна”. Она пришла на пирс проводить корабль в плавание и, узнав, что судовой врач в последний момент сбежал с корабля, женским чутьём вдруг поняла, что экспедиция обречена на гибель. Тогда она жертвенно поднялась на борт судна, заведомо зная, что никогда уже не увидит родных... Таким общественным идеалом стала почему-то Ксения Собчак, к которой, как ни к кому, подходит народная мудрость “яблоко от яблони недалеко падает”...

И вдруг меня нашли люди, которые в свой отпуск собирались искать без малого сто лет назад пропавшую экспедицию! Даже меня, почти 40 лет собиравшего по крохам материалы о ней, немало удивил этот факт! Может, ещё больше удивило меня то, что это были не юные романтики, как я сначала предполагал, а люди вполне зрелые, в недалёком прошлом офицеры спецназа ВДВ, за плечами которых была война, и спасатели автотранспортного отряда “Центроспас” МЧС России — профессионалы высочайшего класса, работающие на ликвидации последствий природных и техногенных катастроф не только в России, но по всему миру. В Подмосковье, в Перedelкине, меня нашли полковник МЧС, опытный полярный волк Валерий Кудрявцев и другой полярник-поисковик с немалым экспедиционным ста-

жем – Александр Чичаев. Русское Географическое Общество отказало им в мизерном гранте, и деньги на экспедицию они собирали вскладчину. Эти люди поразили меня своей душевной чистотой, открытостью и незащищённостью – всеми теми свойствами души, которые ныне в грош не ставятся, мало того, над которыми откровенно смеются.

Что их позвало в Арктику? Это в то же время вопрос: что за люди идут в спасатели?

– Поиск правильной жизни, когда всё понятно: кто с тобой и с кем ты, – ответил на мой вопрос врач экспедиции Роман Буйнов, отец пятерых детей, бросивший врачебную практику из-за невозможности на зарплату врача прокормить семью. – А практически привёл меня Леня Радун, с которым мы познакомились в 1995 году во фронтовом Грозном: он был спасателем, а я – врачом. Повидали много (у Лени, кстати, много правительственных наград, в том числе и орден Мужества за Чечню). Так вот, спустя 10 лет он пригласил меня в Арктику. Просто как человека, в котором уверен, ну, и плюс мой врачебный опыт.

– Когда я служил в ВДВ, у нас был закон: своих не бросать. Сколько человек ушло на задание – столько же должно вернуться, не важно, мёртвые или живые. Были случаи, что при эвакуации погибшего гибли другие, но никто никогда не ставил под сомнение непреложность этого закона братства и чести. Люди, которых мы сейчас ищем, – в своем роде тоже солдаты. У них был свой фронт, но пали они за то же, за что погибнут их потомки на различных полях брани – за укрепление мощи и славы России, за Великий Северный морской путь, который оказался таким незаменимым во время Великой Отечественной войны. Найти их для нас – дело чести, пусть страна сейчас и живёт другими ценностями, – не боясь показаться красиво сентиментальным, ответил на этот вопрос самый молодой участник экспедиции – спасатель аэромобильного отряда “Центроспас” МЧС, тридцатилетний Александр Унтила, в недалёком прошлом – майор, заместитель командира легендарного, созданного полковником Поповских 218-го батальона спецназа ВДВ, в январе 1995-го спасшего Грозный от разрушения, а Росийскую армию – от позора, за 2 года и 8 месяцев в Чечне не потерявший ни одного солдата, но 2 года назад выброшенный из армии по причине её “реформирования” маршалом Табуреткиным: батальон полностью разогнали, аллею Героев раскорчевали, землю продали и построили на этом месте элитные многоэтажки.

Однажды я спросил Александра: “Какая из твоих многочисленных наград самая дорогая?” Подумав, он ответил: “Солдатская “За отвагу” и... случайно услышанный разговор. Новобранцы, только что поступившие в батальон, спрашивают у старослужащего: “К кому в роту лучше всего попасть?” Тот отвечает: “Конечно, все к Унтила не попадёте, но счастье тому, кто попадёт к нему. Он из вас жилы вытянет, дрючить будет нещадно, но до дембеля доживёте”.

Профессиональным спасателем стал выпускник МГИМО Владимир Мельник. Неординарные биографии и у других участников экспедиции.

По всему, поисковая экспедиция должна была называться “По следам экспедиции Брусилова” или “По следам Валериана Альбанова”, но они принципиально назвали её по В. Каверину: “По следам “Двух капитанов”. Во-первых, потому, что мало что ныне знает о Брусилове и Альбанове, а во-вторых, таким образом подавали сигнал другим, также воспитанным на этой книге: присоединяйтесь!

На их призыв откликнулись два “капитана” нашего времени, и не просто присоединились, а возглавили экспедицию: бывший офицер-десантник, гендиректор ООО “Полярный мир” (благодаря этой организации был прекращён варварский промысел бельков – новорождённых детёнышей тюленей) Олег Леонидович Продан, за плечами которого – более полутора тысяч парашютных прыжков, в том числе – десантирование на Северный полюс, и десятки сложнейших полярных, в том числе спасательных экспедиций. Его позвало жизненное кредо: “Сделать то, что другие до тебя не смогли!” Ещё присоединился к нам заслуженный военный лётчик, за плечами которого было 8 с половиной лет Афганистана, а потом – Чечня, Герой России, командующий авиацией ФСБ, генерал-лейтенант Николай Фёдорович Гаврилов.

Зная, что я даже не решусь попроситься в экспедицию, в том числе и потому, что всего за полтора года до этого хирурги-кардиологи буквально вытащили меня с того света, они позовут меня с собой. В полной мере оценив их доброту, я ответил: “Безмерно вам благодарен, но на вашем месте я не стал бы меня приглашать: я могу стать не просто обузой, а сорвать экспедицию, которую вы столько лет готовили”.

За начальника экспедиции мне ответил Александр Унтила, который до сих пор не может отделаться от привычки, где бы ни был: ночью просыпаться каждые 15 минут – ровно на 4 секунды, обвести взглядом “палатку”, спросить дежурного о наличии людей, оружия. Он сказал: “Мы знаем, что это Ваша давнишняя мечта – попытаться пройти путём Альбанова. Обузой не будете. Нам нужен надёжный тыл – опытный человек, который будет преимущественно находиться в базовом лагере на Земле Георга, обеспечивать бесперебойную связь и координацию поисковых групп, связь с погранзаставой и вертолётами ФСБ на случай ЧС (тьфу-тьфу!), ну, и разные мелочи, например, отгонять медведей от лагеря...”

Я благодарен не очень-то благосклонной ко мне судьбе, что подарила мне встречу с этими людьми. Они заставили меня укрепиться в вере, что есть ещё, пусть оскорблённая и униженная, но истинная Россия, а не ООО или ЗАО “Российская Федерация” Абрамовичей, Прохоровых и Чубайсов. Они заставили меня укрепиться в вере, что есть ещё Россия искренне любящих её и преданных ей сынов, часто не очень русских по крови, которые по-прежнему живут по принципу: сначала думай о Родине, а уж только потом о себе.

Экспедиция, путеводителем которой были “Записки...” Альбанова, – через 96 лет после арктической трагедии! – сделала на Земле Франца-Иосифа сенсационные находки: останки одного из членов группы Альбанова, фрагменты дневника, общие экспедиционные вещи, неоднократно упоминаемые Альбановым в “Записках...”, что ещё раз подтвердило их достоверность, хотя участники экспедиции в этом не сомневались, но ведь есть же “исследователи” арктических трагедий, сидящие на тёплой московской или петербургской печи, которые, сообразуясь со своей гнилой сутью, упорно навязывали мысль, что не иначе как на “Св. Анне” произошла кровавая драма из-за единственной на борту женщины, Альбанов, заметая следы, перестрелял команду, затем сжёг судно, а “Записки путешествия по дрейфующим льдам...” придумал. Точно так же они утверждали, что раз спутники Седова после его смерти вернулись “достаточно упитанными” и не найдена его могила, – не иначе, как они его съели...

Да, экспедиция сделала сенсационные находки, но, по-моему, главная её заслуга не в этом, а в том, что она вообще состоялась! Что нашлись люди, которые не могли спать спокойно при мысли, что где-то лежат не преданные земле и оболганные их соотечественники.

Есть пусть малые, но признаки того, что Россия, переболев чужебесием, постепенно возвращается к истинным ценностям, одна из которых, в общем-то, древняя, изначальная, лишь повторена В. Кавериним, как бы считана им с небес в так нужный для России момент: “Бороться и искать, найти и не сдаваться!...” Этот девиз, равный по своей простоте и чистоте апостольским заповедям, озвученный, может быть, по наитию в смутное время, когда апостольские заповеди были осмеяны и даже запрещены, накануне Великой Отечественной войны стал, к удивлению самого В. Каверина, духовным компасом для сотен тысяч, а может, и миллионов молодых людей, ищущих свой путь в жизни. Этот девиз, в так называемое “перестроечное” время втоптаный в грязь, снова был востребован в начале XXI века. Он неожиданно соединил разорванные великой криминальной революцией 90-х годов поколения, когда отцы зачастую не понимают детей и наоборот. А тут вдруг оказалось, что у них общие духовные ценности, несмотря на разные порой политические взгляды. Он стал своеобразным компасом для значительной части нынешнего молодого поколения, встающего на ноги в эпоху звериного капитализма, поколения, мордуемого бесконечными отупляющими фурсенковскими и ливановскими школьными и вузовскими реформами, поколения, которое как бы специально оболванивают сладко-смердными телевизионными сникерсами, которые возведены в разряд духовных ценностей. Сквозь полиэтиленовый шорох очеред-

ной, теперь уже “капсомольской” жвачки тысячи юных, услышав, словно клич боевой трубы, этот, как и раньше, чистый от политики и лжи призыв: “Бороться и искать, найти и не сдаваться!”, собираются в поисковые отряды, до недавнего времени вопреки власти, и ищут в лесах и болотах на месте бывших боёв без вести пропавших дедов и прадедов, приближая истинное окончание Великой Отечественной войны, когда, наконец, будет достойно похоронен последний погибший за Родину, за други своя солдат. Это только недавно, спохватившись, власть сначала стыдливо присоседилась, а потом сделала вид, что она и инициировала это святое дело.

Именно за этими молодыми людьми будущее России!

Я писал, что нашёл меня в Переделкине полковник МЧС Владимир Васильевич Кудрявцев, вложивший душу в подготовку поисковой экспедиции. Но на Землю Франца-Иосифа он не смог полететь – по семейным обстоятельствам. Роман Буйнов в письме мне так характеризовал его: “Человек, стремящийся к разумному риску, без которого жизнь считает пресной. Энергичен и напорист в достижении целей. Коммуникабелен и деликатен. Умеет мотивировать коллектив на выполнение задач в сложных условиях экспедиционной деятельности. Фанат моря, особенно если преодолевать его приходится на почти игрушечных яхтах. В 2008 году мы пробивались через льды Карских ворот почти трое суток, на нашей с ним яхте сломался винт у двигателя. По ситуации шли то на буксире, то только на парусе между льдов. Вообще он авантюрист в самом хорошем смысле этого слова. С ним экспедиция раскрашивается дополнительными красками. В 1999 году он был заместителем руководителя Морской арктической экспедиции МЧС России на парусно-моторных судах на архипелаг Новая Земля. В сложнейших условиях был пройден путь более 2 тыс. миль. Отрабатывались вопросы по дальнейшему совершенствованию технических средств связи. Проведены подводные погружения с целью поиска поморских судов в губе Крестовой и заливе Мелкий. Проведены работы по апробированию технических средств подводного поиска и подводного снаряжения. Открыта и восстановлена памятная плита 1880 г. Вилему Баренцу. И, главное, был открыт остров с координатами Ш-75°46’25 N; Д-58°40’E...”

Следующее предложение заставило замереть мою душу: “Вячеслав Васильевич был один из тех, кто впоследствии добился, чтобы острову было присвоено имя Андрея Рожкова, спасателя МЧС, который погиб за год до этого при спуске под дрейфующие льды в районе Северного полюса при испытании нового спасательного оборудования”.

Боже мой, эта трагическая весть как-то обошла меня стороной, все эти годы Андрей Рожков был для меня живым! Я не могу сказать, что был с ним хорошо знаком. Наша встреча была единственной и короткой. Это было где-то в конце 80-х годов. Прилетев в Москву по издательским делам, я позвонил своему другу, известному горновосходителю, мастеру спорта международного класса по альпинизму Михаилу Петровичу Конькову, несколько лет до того опально жившему недалеко от Уфы в старинном горнозаводском городке Миньяр.

– Если тебе удобно, в 17 часов я буду на выходе из метро на Добрынинской, – отозвался Петрович. – У меня там пятиминутная встреча с одним альпинистом. И поедем ко мне.

– Андрей Рожков, – представил Петрович молодого человека. – За плечами десяток сложнейших восхождений. Только что вернулся с пика Коммунизма, где руководил французско-советской экспедицией.

– Михаил Петрович сказал, что вы руководили первым спуском в глубочайшую пещерную систему Урала – пропасть Кутук-Сумган за год до того, как в ней погибли спелеологи Московского университета. Мне никто толком не мог объяснить, что там случилось.

– Они выбрали для экспедиции опасное время. Они поднимались по веревочной лестнице в последнем 70-метровом колодце и уже видели вверху небо, как на них сверху обрушился водопад. Было 31 марта, из-за резкого потепления началось буйное таяние снегов, воронки, в которую обычно уходили дождевые и талые воды, словно пробкой, закупорило льдом, и поток обрушился в пропасть, на лету превращаясь в лёд. Двое, которые стали подниматься первыми, вмёрзли в этот лёд, остальные остались отрезанными внизу...

Прощаясь, мы молча пожали друг другу руки, чтобы, как оказалось, в этой жизни больше не встретиться, хотя позже наши пути-дороги не раз пересекались. Мне запомнилась глубокая печаль в его глазах, хотя, протягивая мне руку, он широко улыбался. Я только недавно узнал, что друзья его между собой за глаза звали “печальным спаниелем”.

Через несколько лет имя Андрея Рожкова я услышу во время войны в Югославии, которая была полигоном, на котором отработывался план уничтожения СССР, а потом и России. Андрей Рожков во время той страшной междоусобной войны проводил через зоны военных действий конвои МЧС по доставке гуманитарной помощи в осаждённые районы Боснии и Герцеговины. В Югославии мне с ним встретиться не привелось, однажды мы разминулись на каких-то полчаса на одном из блокпостов. О нём с благодарностью и восхищением говорили жители сербских анклавов и водители ооновских гуманитарных конвоев.

Все эти годы он был для меня живым...

В своё время я дал себе слово, что больше никогда не поеду в бывшую Югославию. Там я как русский потерпел своё последнее поражение и не хотел ничего вспоминать. Не успела война закончиться, не успела высохнуть кровь, а уже без разбору ещё во вчера противоборствующие православную Черногорию и католическую Хорватию бросились новые и не совсем новые русские скупать дешёвую послевоенную недвижимость. Меня это оскорбляло, разумеется, не потому, что у меня не было денег даже на самую дешёвую недвижимость.

Но в июне прошлого года меня всё-таки уговорили полететь в Черногорию на Международный фестиваль, посвящённый Всемирному дню русского языка. Я согласился после долгих колебаний и только потому, что фестиваль должен был проходить в Будве, небольшом городке на побережье Адриатики, которого не коснулась война, где я никогда не был, где я никого не знаю и где никто не знает меня. Прекрасное море, обрамлённое зелёными и красными скалами, но уже через день я не выдержал: раз оказался здесь, будет подлостью, если я не доеду до Никшича на севере Черногории, где с дорогим моим другом, выдающимся общественным деятелем и скульптором, Президентом Международного фонда славянской письменности и культуры Вячеславом Михайловичем Клыковым, которого в воюющей Югославии звали не иначе, как Слава, мы в 2002 году ставили один из его последних памятников – Пресвятой Богородице – незадолго до его смерти. Не мог я снова не побывать в монастыре Чудотворца Св. Василия, спрятанном высоко в горах, в скалах, бывшем духовной опорой черногорцев во время османского ига. Не мог я не побывать и в монастыре Цетине, не приложиться к святым мощам – длани Иоанна Крестителя, нет, не надеясь замолить грехи и выпросить хоть сколько-нибудь здоровья, я давно понял, что вера – это не меновая лавка: я – тебе, ты – мне. И к своему удивлению, как оказалось, я часть пути, прежде всего, к Цетине, ехал дорогами Ивана Сергеевича Аксакова, полтора века назад предпринявшего поездку по славянским землям в надежде соединить братьев-славян в древнем единстве. На этой мессианской идее обжёгся не только он, но и Достоевский, и многие другие – уже в наше время. Впрочем, по-настоящему ещё не прочитанный нами И. С. Аксаков был трезвее в этом вопросе всех других: он уже тогда видел корень зла. Именно из этой поездки в июне 1860 года он писал родным: **“Я вообще убедился, что только одно есть действительное средство поднять славянский дух в прочих угнетённых племенах, – это чтобы сама Россия стала Русью. Этот один факт, без всякого вмешательства политического, безо всякой войны оживит и направит на путь дух прочих онемеченных, обитальяненных, офранцузенных, отуреченных племён славянских...”**

Вроде бы я всё знал об Иване Сергеевиче Аксакове, но даже в моём представлении сложился этакий тип классического кабинетного деятеля. А тут поразился не только его гражданской смелости – асфальтовых серпантинных троп, по которым я сейчас ехал, тогда не было, лишь узкие горные тропы, по которым можно было над пропастями пробираться пешком или верхом; по этой причине турки могли завоевать только прибрежную часть Черногории. И он, в крови которого была большая доля турецкой крови, со своей восточной внешностью безбоязненно без какой-либо охраны пробирался в самое сердце Черногории, где в воздухе витал дух вот-вот гото-

вого вспыхнуть антитурецкого восстания. Из того же письма родным: “Путь в Черногорию ужасно труден и утомителен, голые скалы и камни, никакой долины, а надо взбираться на самую верхушку... На обратном пути встретили двух герцоговцев, вооружённых, с красными тюрбанами на головах. Они ехали к господарю (князю Черногорскому) посоветоваться насчёт восстания...” Впрочем, турки смогли завоевать лишь прибрежную Черногорию не только из-за труднопроходимых горных хребтов, один из которых называется не иначе, как Проклетье (Проклятье). Кто-то из историков писал: “Самыми поразительными чертами духовного облика черногорца были его презрение к смерти и высочайшее уважение, которое он питал к храбрости...” Красноречивы цифры, приведённые русским учёным П. Рачинским: “Каждый месяц черногорцы имели шесть-семь сражений с турками, две пятых населения погибло на поле боя, одна пятая — от ран, и только остальные две пятых жителей умирали естественной смертью”.

И. С. Аксаков сыграл исключительную роль в освобождении Болгарии, Сербии и Черногории, Боснии и Герцоговины от пятисотлетнего османского ига. Увы, в отличие от Болгарии, где почти в каждом городе и селе есть улица имени Аксакова, в Сербии и Черногории не помнят ни о нём, ни о написанном им письме славянофилов “К сербам”, потому, по моему мнению, и случилась страшная междоусобная славянская война в 90-е годы теперь уже прошлого века... Он засылает в Сербию, вопреки запрету российского правительства, когда там вспыхнет восстание, легендарного генерала Черняева, русских добровольцев, деньги, врачей, оружие, склоняет русское правительство вести освободительную войну... Отклики южных и западных славян на его смерть могли бы составить целую книгу. Общий смысл их выразила сербская газета “Застава”: “Нам тяжело стало, точно мы потеряли свет. Иван Аксаков был великан. Когда он говорил, голос его раздавался по всей Европе... До сих пор не было публициста с большим значением, чем Аксаков. Любовь Аксакова обнимала всё славянство одинаково. Если бы мы жили при более благоприятных обстоятельствах, Аксаков, без сомнения, простёр бы свою любовь на всё человечество, но он видел, что славяне всех более угнетены, что они не имеют ни защитника, ни друга в широком мире, и он встал перед Россией и сказал: “Теперь мы должны заступиться за них!...”

А теперь в рекламе соседнего с гостиницей турбюро я с удивлением обнаружил, что теперь запросто, без всяких проблем, из самостоятельной — в результате развала Югославии — Черногории за 50 евро можно поехать в составе туристической группы даже без визы в столь же самостоятельную Боснию и Герцоговину, как раз туда, куда в своё время я дал себе слово никогда не возвращаться... Опять-таки после долгих колебаний я решился проехать памятными дорогами. Оказывается, теперь это популярный туристский маршрут, правда, так как предупредят, что слабонервным и боящимся высоты лучше не ездить, тем как многочисленные узкие серпантины висят над жутковатыми пропастями... А каково было проводить тяжёлые грузовики конвоев МЧС по обледенелым зимним дорогам, когда к тому же почти на каждом повороте за тобой следил прицел снайперской винтовки? Порой я терял чувство реальности, невольно напрягался, вглядываясь в очередной поворот, в туристическую безмятежность возвращали лишь курортно одетые — в маечки и шорты — спутники. Кажется, никто из них о недавней войне не знал, а экскурсовод предпочитала о ней деликатно умалчивать, поскольку нынешние власти Боснии и Герцоговины не заинтересованы в том, чтобы туристам рассказывали, как всего пятнадцать лет назад эти красивейшие горы были полем страшной битвы и геноцида сербов... Я же проклиная себя, что в спешке, не предполагая, что попаду сюда, взял в поездку не ту телефонную книжку и не могу даже позвонить моему дорогому другу, выдающемуся сербскому поэту Зорану Костичу! Последний раз мы с ним виделись-простились теперь уже в прошлом веке на железнодорожном вокзале в греческом городе Солониках, когда небо над Белградом было закрыто блокадой, был отрезан и железнодорожный путь через Украину и Венгрию. А мы приплыли в Солоники с российской военно-морской базы в Крыму под Евпаторией на арендованном паруснике, на котором сами же были матросами, и мы с Владимиром Тальковым, братом убиенного Игоря Талькова, посадили на белградский поезд, идущий через Македонию, Зорана Костица с молодой женой, актрисой Малого театра Еленой Трепетовой. Мало сказать, что она, первая красавица в знаменитом театре, была не обделена мужским внима-

нием, — она была осаждаема поклонниками, но, познакомившись у нас в Международном славянском центре с приехавшим в поисках хотя бы духовной помощи Зораном Костичем, знаменем сербского сопротивления, буквально, как говорила её мать, потеряла голову, и уже через полмесяца полуконтрабандными путями — на паруснике! — мы переправляли молодую чету в охваченную войной Югославию... “Есть женщины в русских селеньях...”

В своё время меня, в первый раз оказавшегося в воюющей Югославии, бывалые люди учили: “Передвигаясь по Югославии, старайся не садиться в военные грузовики, бронетранспортеры, не надевай бронжилета — снайпер всегда найдёт щёлку в твоей амуниции! По возможности передвигайся на грузовиках гуманитарных конвоев, а надёжнее всего, если на борту грузовика будет надпись “МЧС Россия”. Садись рядом с водителем в одной рубашечке или даже полуобнажённым, чтобы тебя приняли за второго водителя. Все три воюющие между собой стороны питаются за счёт этих конвоев. Потому, за редким исключением, не трогают их...”

Оказывается, моё невольное напряжение не осталось без внимания нашего экскурсовода, хохлушки Лены из самостийной теперь Украины. Проходя по автобусу, она, улучив момент, присела на свободное рядом со мной кресло.

— Вы единственный, кто молчит, не восхищается красотами, ни о чём не спрашивает, напряжённо смотрит в окно... Такое впечатление, что вы едете по этой дороге не в первый раз.

Я не сразу нашёлся, что ей ответить... На моё счастье, кто-то из экскурсантов обратился к ней с вопросом, и она вынуждена была оставить меня, крепко пожав мне руку в запястье. По окончании поездки на прощание она горячо поцеловала меня в щеку, и у меня возникло такое чувство, что этот поцелуй как бы ворованный: он предназначался тем русским добровольцам, кто воевал здесь или даже сложил здесь голову...

Вот развилка дорог, где мы разминулись с Андреем Рожковым. Я попросил Лену, если можно, остановиться на несколько минут.

— Да у нас тут как раз плановая остановка для фотосессии и чтобы перекусить.

— Сколько у нас времени?

— Полчаса... — Видимо, что-то прочитав на моём лице, Лена добавила: — Можно чуть больше, но ненадолго.

— Спасибо!

Пока мои спутники фотографировались на фоне красивейших гор, я заторопился к церквушке, хотя она была ещё не до конца восстановлена. Я поставил свечи в память об Андрее и, выйдя, положил букетик сорванных на обочине дороги полевых цветов к церковной оградке. У меня было такое чувство, что Андрей где-то рядом, словно вот-вот вывернет из-за поворота МЧСовский “КамАЗ” и состоится та, несостоявшаяся тут двадцать лет назад встреча.

— Воевал здесь? — спросил меня вышедший вслед за мной из храма пожилой серб, а может, черногорец — они сами запутались в этом.

— Нет.

— А цветы?

— В память одного человека. Мы могли встретиться здесь во время войны, но судьба развела.

— Он тут погиб?

— Нет, он погиб на Северном полюсе. Он был спасателем. Сюда во время войны он водил гуманитарные конвои МЧС России.

— О, они нам здорово помогали! Смелые парни, настоящие русские солдаты, только без оружия. Не боялись. Мы всё спрашивали: почему без оружия? А как его звали?

— Андрей Рожков.

— Нет, не помню такого, я в горах тогда был... Днём священника нет, вечером закажу панихиду. Ваши спасатели недавно тут были, разминировали минные поля. Все отказались — и французы, и немцы, тем более американцы, — потому что никаких карт нет, а ваши взялись.

Я знал это, потому как среди них был бывший заместитель командира батальона спецназа ВДВ майор Александр Унтила, за 2 года 8 месяцев спецопераций на Кавказе не потерявший ни одного солдата, а в благодарности

подло и жестоко вышвырнутый из армии (но таких офицеров, оказывается, помнили, одно время он даже был в охране первых лиц государства: впереди – полковничьи погоны, московская квартира, а ведь семью он потерял, пока воевал, жена устала от бесквартирья... Но он ушёл в безработные, перебиваясь случайными заработками, пока не нашёл работу по душе – в МЧС, в аэромобильном отряде “Центроспас”, в своего рода спецназе, осуществляющем самые сложные спасательные операции по всему миру. В первый же год, кроме своих военных, он освоил ещё 15 профессий, необходимых спасателю международного класса).

– Пойдём, выпьем вина, помянем твоего друга, – предложил мой новый знакомый.

Я посмотрел на часы – времени уже не было. Но отказать черногорцу или сербу выпить вина – значит, оскорбить его, а тут тем более – память.

Прежде чем зайти в дом, я, не обнаружив туалета, по малой нужде зашел за сарай и упёрся в висящий брезентовый тент. Я из любопытства оттянул угол тента – там стоял бронетранспортер то ли немецкой, то ли хорватской сборки. За спиной кашлянул хозяин, я вздрогнул – так бесшумно он подошёл.

– А что, пусть стоит, сена не просит, – ответил он на мой немой вопрос. – Мало ли что, вдруг пригодится... Официально сейчас у нас, в Республике Сербской, нет ни одной единицы зарегистрированного оружия, – усмехнулся он, – но у каждого на всякий случай припрятан автомат Калашникова, а то и не один. Нам, сербам, иначе нельзя, нас хотят свести со света... И пока есть Россия, у нас есть надежда... А что касается твоего друга, я вечером закажу службу...

– Если бы Андрей Рожков был жив, мог бы он быть в нашей поисковой экспедиции? – спросил я Романа Буйнова, от которого узнал я печальную весть.

– Несомненно, если бы в это время ему не пришлось где-нибудь в другом месте спасать людей... Вы, конечно, знаете, что Андрей Рожков имеет самое прямое отношение к вашему городу? Точнее, что он сыграл, без преувеличения, большую роль в судьбе Уфы? И Уфа сыграла в его судьбе большую роль.

Заметив моё недоумение, он удивлённо спросил:

– Вы что, не знаете про аварию на дымовой трубе на Уфимском нефтеперерабатывающем заводе в сентябре 1991 года? О взрыве?

– Мельком слышал, но деталей не знаю. На нефтезаводах то и дело что-нибудь взрывается. А тогда рвалась на кровавые куски страна.

– О той аварии и тогда мало кто знал, даже в Уфе, тем более, мало кто помнит теперь. Во многом потому, что катастрофу на НПЗ удалось предотвратить. Вот если бы не удалось, до сих пор помнили бы, как Чернобыль... Не я придумал, откройте сайт МЧС, любая статья об истории создания МЧС утверждает, что это была не только первая крупномасштабная аварийно-спасательная операция МЧС, но с неё практически начинается история министерства, если не считать лыком пришитую к ней историю гражданской обороны. И одним из главных героев этой уникальной операции по предотвращению катастрофы был Андрей Рожков...

А дело было так. На Уфимском НПЗ на высоте 120 метров произошёл надлом 150-метровой железобетонной дымовой трубы, накренившийся 30-метровый “осколок” навис над заводом и мог рухнуть в любую минуту. Падение “осколка” весом почти в 700 тонн могло привести к непредсказуемым... впрочем, к вполне предсказуемым последствиям. Даже если отбросить тот факт, что труба нависла над крупнейшим в стране нефтеперерабатывающим заводом непрерывного цикла работы, вариант падения 700-тонного “осколка” в условно чистое поле мог вызвать землетрясение в городе. Обрушение же его на завод, несомненно, привело бы к гигантской техногенной катастрофе, сравнимой только с Чернобылем. Специальной спасательной службы в то время в России не было: Спитак, увы, ничему нас не научил.

Недавно страна отметила 80-летний юбилей службы гражданской обороны. Отмечать его было поручено МЧС, которое с явной натяжкой было назначено её преемником. Что представляла собой, особенно в последние годы своего существования, служба гражданской обороны? Мало приспособ-

собленные под бомбоубежища подвалы за ржавыми замками на случай атомной войны. Заведомо невыполнимые эвакуационные планы в села и деревни, которые якобы не тронут атомные взрывы... Пожары тушили пожарники, потерпевших в автокатастрофах вытаскивали, как могли, из автомобилей гаишники при помощи попавшихся под руку подручных средств в виде монтаровок и “домиков”, найденных в багажниках этих автомобилей. С последствиями стихийных бедствий боролась армия и коммунальные службы.

Как бы предчувствуя эпоху катастроф, как техногенных, так и природных, нависших над раздираемой смутой страной, в 1991 году был учреждён Корпус спасателей, председателем которого назначили тогдашнего заместителя Председателя Государственного комитета РСФСР по архитектуре и строительству Сергея Кужугетовича Шойгу. У кого узнать, кому принадлежала эта простая и в то же время великая мысль? Может, кому-то здравомыслящему из окружения президента Ельцина положили на стол написанную в голодном и холодном марте 1918 года монографию великого русского учёного А. Л. Чижевского “Исследование периодичности всемирно-исторического процесса”, в которой он, анализируя периодичность всемирно-исторических и космических процессов прошлых эпох, выявил короткие – в 11, 33, 120 лет и длинные – в сотни, тысячи лет – повторяющиеся циклы планетарной нестабильности и сделал предостерегающий вывод, что планета входит в опасный 400-летний цикл геокосмической активности, который будет характеризоваться вспышкой катастрофических землетрясений, наводнений, извержений вулканов, техногенных катастроф и общественных катаклизмов (чему мы уже стали свидетелями). Может, идея создания специальной спасательной службы принадлежала Сергею Шойгу, раз ему было поручено её возглавить? Но почему именно ему, в недавнем прошлом мало кому известному управляющему строительным трестом в Абакане? Это будет ясно позже, когда в чехарде постоянно меняющихся министерств и министров он окажется единственным бесценным, незаменимым и результативным министром, и в народе не без оснований сложится твёрдое убеждение, что все другие министерства только то и делают, чтобы ведомство Шойгу не осталось без работы...

Корпус спасателей был учреждён, но это далеко ещё не значит, что он был создан. К сентябрю 1991 года он существовал только на бумаге, только начал формироваться. И тут над Уфой нависла беда.

Сергей Шойгу немедленно вылетел в Уфу, чтобы оценить масштабы беды. Из прибывших по его приказу к месту аварии представителей различных структур, приданных корпусу, только офицеры-сапёры военно-инженерных войск взяли на себя часть ответственности за исход рискованной операции. В течение трёх суток ими были произведены сложнейшие расчёты разных вариантов предотвращения катастрофы. В конце концов, выбрали единственный и, конечно, рискованный: серией направленных взрывов срезать 700-тонный “осколок” и, развернув его на 15 градусов, положить в узкую щель между производственными установками и ниткой нефтепровода на специально подготовленную “мягкую” подушку. Для этого на обрубке трубы на разных высотах нужно было с ювелирной точностью разместить 350 килограммов взрывчатки, но закрепить взрывчатку на трубе могли только высокопрофессиональные промышленные альпинисты. А таковых в создаваемом Корпусе спасателей ещё не было, оставалось рассчитывать только на альпинистов-спортсменов.

Почему выбор пал на Андрея Рожкова, сейчас ответить, наверное, не сможет даже Сергей Шойгу, лично возглавивший аварийно-спасательную операцию. Кто ведёт человека по жизни, порой резко меняя не только его жизненные планы, но и судьбу? После окончания Московского гидромелиоративного института в 1983 году Андрей Рожков работал инженером отдела водохранилищ в ВНИИ “Союзгидроводхоз”. Спокойная, размеренная жизнь, прекрасные служебные перспективы, правда, вызывают неприятие общественности некоторые грандиозные проекты института. И он, продолжая работать в институте, учится во Всесоюзной школе инструкторов альпинизма и на курсах альпинистов-спасателей – и в 1986 году переходит на работу в Управление альпинизма Всесоюзного добровольного физкультурно-спортивного общества профсоюзов тренером отдела учебно-спортивной работы и спасательной службы. Параллельно вступает в созданный тогда спасатель-

ный отряд Красного Креста и Красного Полумесяца, с которым принимает участие в ликвидации последствий страшного землетрясения в Армении в 1988 году. Он был одним из тех немногих непрофессиональных спасателей, альпинистов-добровольцев, о которых упоминает в своих воспоминаниях Н. И. Рыжков. Землетрясение в Спитаке окончательно определило его дальнейшую жизнь. Спокойную работу гидромелиоратора он твёрдо решил поменять на работу, нет – на судьбу спасателя.

Так что к Андрею Рожкову обратились не случайно. К этому времени у него, уже начальника отдела альпинизма и туризма профессионального спортивного клуба “КамАЗ”, за плечами, помимо Спитака, были сложнейшие восхождения на пики Свободная Корея (Тянь-Шань), Гран-Капуцин (Франция), Корженевской (Памир), Хан-Тенгри (Тянь-Шань), Ауэзова и Ленина (Памир), руководство советско-французской экспедицией на пик Коммунизма в 1989 году. Может, сыграл свою роль и тот факт, что незадолго до ЧП на Уфимском НПЗ в том же 1991 году – как вызов всем альпинистам мира! – произошло его восхождение на пик Ленина на собачьих упряжках, которое сразу же вошло в знаменитую Книгу рекордов Гиннеса.

Как вспоминает один из срочно собранных Рожковым добровольцев, Виктор Ситин, скалолаз и спелеолог, масштаба и сложности предстоящей работы никто не представлял. Да и никто, в том числе в силу секретности, им ничего толком не объяснил. Чуть ли не по всей подмосковной Балашихе собирали альпинистские верёвки, которых, как им сказали, потребуется очень много, с трудом набрали 600 метров, на своей машине поехали в аэропорт. И только там поняли чрезвычайность ситуации, когда им предоставили личный самолёт президента страны: ковры, диваны – всё это не совсем укладывалось в голове.

Труба могла рухнуть каждую минуту, с уже висящими на ней альпинистами, вес которых мог стать критическим. Критическим мог оказаться и вес брикетов взрывчатки, каждый в 50 килограмм, а их было 7. “Но нам очень повезло, – вспоминает Виктор Ситин, – пока мы 3 дня работали на этой трубе, ветер был в нужную сторону, и она не упала, так сказать, внепланово. Ну, и получилось так, что всю нашу верёвку альпинистскую мы потратили на крепежи, а саму взрывчатку пришлось поднимать на обыкновенных пеньковых верёвках. И мы опасались, что они оборвутся, так как брикеты были очень тяжёлые”.

Когда подготовительные работы были закончены, заводской персонал и близлежащее население вывели на расстояние трех километров. Андрею Рожкову, учитывая его главную роль в операции, дали крутануть ручку взрывной машинки... Труба при взрыве, издавдала казалось – бесшумно, развернулась на запланированные 15 градусов и точно – не рухнула, а легла! – на подготовленную подушку из брёвен и песка. Как потом выяснят, подобная операция была осуществлена впервые в мире. За выполнение этой операции группа офицеров инженерных войск и альпинисты были награждены государственными наградами. Но бывают времена, когда кусок хлеба дороже наград. Директор завода М. Г. Рахимов, позже Президент Республики Башкортостан, попросил предоставить ему список альпинистов, участвовавших в уникальной операции, предотвратившей катастрофу, и против каждой фамилии проставить размер зарплаты её носителя. Под списком поставил резолюцию: каждому выписать премию в размере трехгодового оклада. “Тогда нам за работу заплатили очень хорошо, – вспоминает Виктор Ситин. – А времена-то были тяжёлые, голодные. Я был директором турклуба, так вот, мне заплатили 36 месячных окладов!”

А Андрея Рожкова со срочно набранной для этой операции командой Сергей Шойгу попросил перейти спасателями в Государственный комитет РСФСР по чрезвычайным ситуациям, который вскоре был реорганизован в Министерство – МЧС.

У других на это уходят многие годы, но Андрей Рожков уже через год стал спасателем международного класса и заместителем командира созданного к тому времени Государственного центрального аэромобильного спасательного отряда, сокращенно “Центроспаса”. Надо ли говорить, что костяк “Центроспаса” составили участники уникальной уфимской операции. Все они за время службы в МЧС, как говорится, выбились в люди, к примеру, Сергей Кудинов стал генерал-лейтенантом, заместителем Шойгу. Не последними людьми в МЧС стали Кирилл Бородин, Сергей Лебедев.

Наверное, не случайно, что ныне возглавить Российскую армию в трудную пору призвали Главного спасателя страны.

Надо сказать, что спасатель – не профессия, как таковая, это даже не призвание, это особый склад души, особое состояние совести. Как становятся спасателями? Когда ты бессилён бороться с окружающей тебя несправедливостью, но не хочешь идти против своей совести, возможный выход – идти спасать пострадавших не столько в результате природных катастроф (которые всё чаще тоже провоцируются человеком), а катастроф, ставших результатом необдуманной, неумной или даже преступной деятельности властителей, политиков, обслуживающих их безнравственных учёных, экономистов, юристов...

Потому в одно время с мелиоратором Андреем Рожковым уходит в спасатели выпускник МГИМО Владимир Мельник. В 2010 году он стал участником поисковой полярной экспедиции по следам Валериана Альбанова. Уходит в спасатели выброшенный из армии по случаю её “реформирования” “маршалом Табуреткиным”, которого увели-таки от тюремных нар, зам. командира батальона спецназа ВДВ майор Александр Унтила, за 2 года и 8 месяцев спецопераций на Кавказе не потерявший ни одного солдата. Он тоже в 2010 году вошёл в состав поисковой полярной экспедиции, и именно он сделал первые сенсационные находки. Что касается Андрея Рожкова, я с удивлением прочёл в воспоминаниях одного из его друзей: “Для многих было непонятным, почему он, успешный инженер-мелиоратор, стал спасателем. Он стал спасателем из-за несправедливого устройства мира, окружающей жизни, из-за лжи, в которую была обрушена страна, в результате которой была исковеркана жизнь миллионов людей. Не имея возможности противостоять этому, он и стал спасателем”.

Среди моих близких друзей – бывший командир Уфимского филиала Приволжского регионального поисково-спасательного отряда МЧС России Вячеслав Климец, пришедший в МЧС из туристской контрольно-спасательной службы, и его отряд стал одним из лучших в министерстве. Он был спасателем и в более широком смысле: в трудную для меня пору, когда я серьёзно захандрил после долгой болезни и жизненных неурядиц, чтобы я вконец не сломался, Слава строгой повесткой – 10 минут на сборы, автобус в аэропорт у подъезда! – вытащил меня на сборы спасателей на Памир, а там было уже не до хандры. Несколько лет назад решил Слава уйти в обыкновенную жизнь, о причинах умолчу. Сергей Шойгу не подписал рапорта: “Вместе пришли – вместе уйдём, не время”. И вот недавно вместе ушли: Шойгу – в министры обороны, спасать, приводить в чувство обворованную армию, Слава Климец – в советники нового начальника отряда, своего ученика.

Я счастлив, что судьба на своём очередном изломе, очередном подведении итогов, надеюсь, ещё не окончательных, подарила мне встречу с этими людьми. Не случайно, что костяк экспедиции по следам Валериана Альбанова составили бывшие офицеры ВДВ и профессиональные спасатели, не важно, ныне действующие или бывшие, потому как бывших спасателей, как и бывших офицеров, не бывает. Я, конечно, так примитивно о спасателях не думал: ну, работа такая, наверное, хорошо платят, кто-то идёт в спасатели от нужды, из-за безработицы. Но в то же время, оказывается, не задумывался над глубинной сутью этой профессии. Наверное, приходят в спасатели и от нужды, и от безработицы, но долго такие в спасателях не задерживаются, потому что, во-первых, не каждому дано постоянно видеть человеческое горе, человеческую смерть. Нет, спасатели выдерживают это не потому, что окаменевают их душа или её вообще у них нет – с холодной душой, несомненно, было бы легче работать! – а потому, что спасатель – это мировоззрение, образ жизни, наконец, жертва, это часто или даже, как правило, собственный излом судьбы, который не сломал человека, а позвал спасать других людей.

Они спасают не только человеческие жизни – они спасают человеческие души. И не только тех, кого непосредственно выручают во время природной или техногенной катастрофы. А их родных, близких, наконец, престиж страны. А в случае с поисками на Земле Франца-Иосифа спутников Валериана Альбанова – спасают память о пропавших почти век назад соотечественниках. Как оказалось, кроме них в стране это некому было сделать.

Это очень тяжёлая профессия. И не только физически и психологически. И можно только догадываться, что творится в душах спасателей. Это люди с обострённой совестью. Накапливающееся внутри напряжение требует выхода, разрядки, иначе рано или поздно его критическая масса может сработать как детонатор, вызывающий физический или нравственный взрыв – разрушение человека. Потому не случайно, что почти все они находят самовыражение в творчестве. Владимир Мельник стал талантливым художником-фотографом, лауреатом многочисленных российских и международных премий. Александр Унтила пишет военную жёсткую и честную, как его биография, прозу, она сродни “окопной” прозе лейтенантов Великой Отечественной: Юрия Бондарева, Константина Воробьёва, Василя Быкова...

После Уфы Андрей Рожков принимал участие в десятках поисково-спасательных операций, в общей сложности более чем в 150, спасая от верной гибели многие, многие жизни. Вместе со своим подразделением он участвовал в ликвидации последствий наводнения в Дагестане, землетрясений в Иране и Киргизии, в ликвидации последствий эпизоотии чумы в Тыве, в операциях по доставке гуманитарной помощи в Ткварчели (Абхазия), в Таджикистан и, как я уже писал, в осаждённые сербские анклавы Боснии и Герцеговины в Югославии. Там же, в Югославии, в районе боевых действий искал пропавших российских журналистов. Участвовал в поиске и извлечении тел погибших вертолётчиков из зоны боевых действий в районе реки Кодори (Абхазия). В 1995 году во фронтовом Грозном в составе оперативной группы принимал участие в эвакуации – опять-таки под огнём! – больных и раненых, спасал сокровища музея изобразительных искусств, до войны одного из богатейших в стране. Вместе с ним был Леонид Радун, в 2010 году ставший участником поисковой полярной экспедиции по следам Валериана Альбанова. В 1995 году Андрей Рожков участвовал в учениях МЧС на Северном Полюсе, руководил лыжной группой. Принимал участие в ликвидации последствий авиакатастрофы на Шпицбергене, в ликвидации последствий взрыва жилого дома пограничников в Каспийске и во многих других операциях.

Во время одного из десантирований у него не открылся основной парашют, что-то случилось и с запасным. Сложный перелом позвоночника. Семь месяцев в госпитале. Врачи не очень-то верили в то, что Андрей сможет встать на ноги. Из дневника Андрея Рожкова того времени: “О чём можно думать длинными, бессонными ночами, когда приговор врачей обжалованию не подлежит?” И ещё: “Жена... Господи, за что же ей такие испытания? Хотя она смирилась с этой участью. Участью воспитывать двоих детей и постоянно ожидать и бояться каждого звонка...” В госпитале он стал писать сказки для своих детей Маши и Лёши: про маленького медвежонка у горной реки, про старый рюкзак и палатку, про себя самого, где-то очень далеко от своих детей спасающего других малышей. Перед своими детьми, как и перед женой, он чувствовал великую вину за то, что так мало проводил с ними времени, мотаясь по свету, спасая в том числе и детей. Это, несомненно, психологически самое тяжёлое в работе спасателя, и далеко не каждый способен долго это выдержать – не только слабые нервные уходят. Вот небольшой отрывок из газетной публикации Андрея Рожкова о взрыве, прогремевшем 22 мая 1996 года в одном из домов Светогорска Ленинградской области:

“– Ой, ты, маленькая моя, сейчас мы тебя достанем...”

Хуже всего приходится, когда раскапываешь детские сады, школы и достаёшь из-под обломков детей. Мы стараемся причинить как можно меньше боли тем, кого достаём. Ведь ты – последняя надежда родителей. И вдруг выносишь ребёнка, который, может, ещё жив...”

Андрей Рожков, будучи многогранно талантливым, и до госпиталя сотрудничал с редакциями различных журналов и газет, публикуя очерки, статьи, он был талантливым фотохудожником, занял I и III места в фотоконкурсе “Интерфото” в 1996 году. А тут, в госпитале, появилось время. Стали выходить в печати его сказки, очерки. Но новым Николаем Островским он себя не видел. Он смог не только встать на ноги, но и вернуться в отряд, участвовать в сложнейших спасательных операциях, кататься на горных лыжах, карабкаться по скалам, до самозабвения увлечься подводным плаванием. В 1997 году его называли “самым глубоководным спасателем года”.

Ему хотелось многое успеть. Казалось, он хотел объять необъятное: всегда спешил на помощь людям, попавшим в беду, разделяя их страдания и горе. И при этом оставался чутким, открытым человеком, понимавшим и любившим всё прекрасное. Он всегда и везде оставался Спасателем с большой буквы. Может, он чувствовал, что ему отпущено на этом свете немного времени, может, он был более нужен там? Он часто повторял фразу: “Никогда не спрашивай: “По ком звонит колокол?” Он звонит и по тебе”...

“Наверное, стоило жить проще и спокойнее, — писал один из его друзей. — Работать по своей основной специальности, занимаясь гидромелиорацией. То есть жить, как все, не напрягаясь. Не летать в вертолёте под зенитным огнём, не переходить линию фронта в Абхазии, когда выводил тысячи мирных жителей из блокады. Не карабкаться по обледенелым Саянским склонам в Туве, собирая мёрзлые трупы яков, чтобы по весне, когда всё оттаёт, не вспыхнула эпидемия страшной болезни, не пробиваться десятки часов к живым сквозь бетонно-каменные завалы в Армении, Южной Осетии, Каспийске. Не собирать тела погибших после авиакатастрофы на Шпицбергене, не поднимать с глубины в 40 метров тела погибших в Чёрном море друзей... Но тогда он бы не был Андреем Рожковым. За глаза мы, шутя, звали его “печальным спаниелем”. Его всегда, даже когда смеялся, грустные глаза смотрели куда-то туда, за горизонт. Он всегда хотел пройти первым, чтобы облегчить путь другим, испытать всё на себе, чтобы не подвергать опасности остальных. Так было всегда. Всю дорогу. Иначе он не понимал — зачем жить”.

О смысле жизни он сказал в своих стихах:

*Нам, наверно, от Бога дано
Из холодных рук смерти
Безвинные души спасать...*

Спасатель международного класса, заместитель командира “Центроспаса” МЧС России, полковник Андрей Николаевич Рожков — один из тех, кто стоял у истоков Чрезвычайной Службы России, — погиб 22 апреля 1998 года при испытании нового спасательного водолазного оборудования при погружении под многометровые дрейфующие льды в районе Северного полюса. Погружение было необходимо для проверки возможностей нового водолазного спасательного оборудования в условиях дрейфующего льда. Многие — из не спасателей! — не понимали, зачем он пошёл на это, считали, что ради очередного рекорда. Но спасатель Андрей Рожков знал, что место аварии или катастрофы не выбирают, что погибших и пострадавших приходится доставать не только из покорёженных машин и из-под обломков домов. Погибших приходится доставать и со дна моря, и с разной глубины, в том числе и из-под льда — Андрею пришлось поднимать со дна моря тела погибших друзей всего полгода назад. Чтобы хорошо делать своё дело, надо быть уверенным не только в тех, с кем работаешь, но и в оборудовании. Не всегда можно срочно доставить тяжёлое водолазное снаряжение к месту беды. В лёгком водолажном костюме он ушёл под дрейфующие льды на глубину 50,8 метров. Это зафиксировал его подводный наручный компьютер. Он же зафиксировал и момент его смерти. Его ещё пытались откачать на льду, четыре часа делали ему искусственное дыхание, но чуда, которое спасало Андрея не раз, на этот раз не случилось... Казалось, против этого погружения была и природа: в аэропорту Хатанги шесть суток она не давала взлететь самолёту, который должен был унести его к Северному полюсу. Как бы надеялась, что ему надоест ждать, и он вернётся в Москву. Но он упрямо ждал...

Может, он предвидел свою смерть? Незадолго до своего трагического спуска он написал стихи:

*Упрямо я стремлюсь ко дну,
дыханье рвётся, давит уши.
Зачем иду на глубину?
Чем плохо было мне на суше?*

Он был поэтом в спасательном деле. Он погиб, как Поэт, — в 37 лет! Это было личное горе Сергея Кужугетовича Шойгу — с Андреем они начинали строить МЧС. На стол Президента России легло его представление о присвоении Андрею Николаевичу Рожкову звания Героя России.

Андрей Рожков продолжает спасать людей и по сей день. Его именем назван один из спасательных вертолётов Ми-8 и поисково-спасательный ка-тер “Центроспаса” МЧС. Его имя присвоено московской средней школе № 502, в которой он учился. В декабре 2007 года в посёлке Мулино Нижегородской области при участии Сергея Шойгу открылась кадетская школа-интернат пожарно-спасательного профиля, которой присвоено имя Андрея Рожкова. В его честь проводятся ежегодные соревнования юных спасателей. А Московская городская дума одним постановлением выносит решение о возведении памятников в столице двум своим великим гражданам: великому русскому поэту Ф. И. Тютчеву и великому спасателю А. Н. Рожкову.

Наверное, эта статья была бы более к месту к “юбилею” несостоявшегося Уфимского Чернобыля. Но 22 апреля прошлого года, глубокой ночью меня как бы стукнуло... Я вдруг отчётливо вспомнил ту короткую встречу в Москве около станции метро Добрынинская, поразивший меня печальный взгляд внешне весёлого молодого человека, обращённый как бы за горизонт, словно ему было дано видеть то, что нам, обычным смертным, видеть не дано. Я посмотрел на календарь: со дня гибели Андрея Рожкова прошло ровно 15 лет.

Кого я в Уфе ни спрашивал, никто, кроме Славы Климца, не знал этого имени. И я не стал ждать следующей “юбилейной” даты – годовщины предотвращённой уфимской катастрофы, к тому же до неё ещё надо дожить. Не знаю, есть ли экспозиция об Андрее Николаевиче Рожкове в музее уфимского НПЗ, как не знаю и того, существует ли сам музей, но, может, неплохо было бы, если бы ему, как и офицерам-саперам, взявшим на себя чрезвычайную ответственность в той операции, была посвящена пусть небольшая экспозиция в будущем музее города или даже в музее Боевой Славы, ибо по жизни они были солдатами, защитниками Родины, а Андрей Рожков и погиб, как солдат...

В позапрошлом году члены поисковой экспедиции по следам пропавшей группы Валериана Альбанова прилетели в Уфу на XXII Международный Аксаковский праздник, на торжественную церемонию присоединения имени “Штурман Альбанов” учебному судну Уфимского командного речного училища. “Саша Григорьев XXI века” – Герой России, генерал-лейтенант Николай Фёдорович Гаврилов из Москвы, – ныне стал начальником Управления безопасности полётов одной из лучших российских авиакомпаний “ЮТэйр”. Когда ведущая торжественного Аксаковского вечера представила его: “генерал-лейтенант в отставке”, – он, выйдя на сцену, поправил её: “Врагам России ответственно сообщаю, что я не в отставке, а в запасе”. Почётный полярник Олег Леонидович Продан прилетел из Арктики, где он один на сверхлёгком вертолёте впервые в мире долетел до полярной станции Борнео и, кажется, даже до самого Северного полюса. А спасатель “Центроспаса” МЧС Александр Павлович Унтила прибыл из Кейптауна, где он проводил суда через океанские пиратские районы. Потом я получил от него письмо: “Михаил Андреевич, ну, нет слов. Был бы я чуть сентиментален, отписался бы в восторженных тонах. Ощущение, что глотнул чистого воздуха и хлебнул свежей воды. Теперь вопросы: “зачем” и “ради чего” долго не возникнут – за вот таких людей, как Ваши земляки, – хоть под пули, хоть в завал. Спасибо, что показали НАСТОЯЩУЮ Россию, а то в этой долбаной Москве все представления исказились. Живы мы, и жить будем...” И снова надолго пропал он, пока не получил я от него по электронке фотографию: четверо *вежливых молодых людей* в камуфляже с американскими винтовками М-16 на каком-то судне... Значит, опять спасает торговцев моряков и рыбаков разных стран от пиратов. А недавно я получил от него СМС: “У меня всё в порядке. Я в Северной Сирии, исключительно с туристической целью”.

P.S. МЧС России стало соучредителем Международного славянского форума искусств “Золотой Витязь”. И мы в октябре 2014 года летели из Москвы в Пятигорск на V Международный литературный форум “Золотой витязь”, на празднование 200-летия великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, на флагманском самолёте МЧС с гордым именем “Валерий Чкалов”. МЧС России взвалило на себя ещё одну ответственную обязанность: спасти отечественное искусство и отечественную литературу.